

*Трудно самой мне во всем разобраться,
Сложно впервые самой все решить.
Всех бы мужчин разложили по полочкам,
Было бы легче с чего выбирать.*

Владимир Седых

Сегодня ум нараскоряку.
Не знаю просто, как мне быть.
Люблю чернявого гуляку.
Блондина не могу забыть.

А у него, того блондина
Внутри хронический гастрит.
А у брюнета, вот судьбина,
И дифтерит, и гайморит.

Прошу, друзья, мне помогите,
И подскажите магазин,

Где без гастрита, гайморита
Полно здоровеньких мужчин.

Их всех увижу на витрине,
Смиренно выстроенных в ряд.
И пусть на каждом на мужчине
С ценою бирочки горят.

Я подберу себе дружочка
По росту, весу и деньгам.
За деньги куплен он, и точка.
И никому уж не отдам.

Скотный двор

*Как круто жизнь переменилась.
Скажу совсем с недавних пор.
И потому с пером поэта
Я заглянул на скотный двор.*

Владимир Седых

Перо поэта

Я потому с пером поэта
Рванул, друзья, на скотный двор,
Чтоб очень громко песня эта
Летела в космос, за забор.

Я с петухом спою дуэтом,
Чтоб знали куры и козлы,

Что значит жить с пером поэта.
Но обыватели так злы!

Понятен нам финал сюжета.
Сказал козел, боднув бревно,
Ты сунь туда перо поэта,
Где быть оно всегда должно.

Кто я?

*Я баснописец и поэт, — скажу, однако...
Вот не пойму: я человек или собака?
Впустую лаю на слонов, как в басне Моська.
Из-за того, чтоб не была пустой «авоська».*

*И как собака, я порою злой бываю:
Кого не в силах укунить, того «облаю».*

Мораль:

*Мы все пытаемся над «И» расставить точки.
Да вот язык бы удержать на той цепочке.*

Владимир Седых

Собачьей поделюсь тоской

Когда-то был я человек,
Но лаю, как собака.
Кусаю всех я целый век,
Такая вот кусака.

На цепь меня бы посадить,
Бываю я ужасен.

Зубов лишить, намордник сшить,
Иначе я опасен.

Я поэтической строкой
Утешусь в новолуние.

Собачьей поделюсь тоской,
Обрызгав цвет петунии.

СВЕТЛАНА СУПРУНОВА

КАЛИНИНГРАД

Грёзы

*Вдали кабак мерцает сладко,
Мороз ударил или свет.
— Ямщик, скажи мне для порядка,
Попойка будет или нет?*

*...Мы обустроились, согрелись
Среди свечей, лампад, острот.
Ах, боже мой, какая прелесть —
Красотка водку подаёт*

*И глухаря, и пива кружки,
Как эту прелесть не любить!
И я подумал, что я — Пушкин,
Как славно — Пушкиным побыть.*

Владимир Скиф

Пригрезились кабак и тройка,
И что летим туда стремглав.
«Ямщик, а будет ли попойка?» —
Тяну возницу за рукав.

«Всё будет, барин. Мне нальёте?»
Киваю головой. Вошли.
...С поклоном: «Пушкин. Узнаёте?»
Девушка робко: «Нагали».

Мы пили и шумели громко,
Летели пробки в потолок.
Ко мне подседа Незнакомка,
И я представился ей: «Блок».

В виденьях снова перемены:
Сижу (вода со всех сторон)
На острове Святой Елены.
Наверно, я Наполеон.

ВЛАДИМИР СКИФ

Гумилёв и Бронштейн

*Зачитана книжка твоя до дыр,
В ней ужас эпохи и жизнь твоя.
Она для меня, как монаху псалтырь,
У многих страниц я загнул края.*

*Семь раз Гумилёву ты бросила: «Нет»...
Прости за дерзость, меня ждала?*

«А. Ахматовой» Виктор Бронштейн

Серебряный век, он зачитан до дыр,
Там Блок, Маяковский — мои друзья,
В ответ на призыв мой — устроить пир —
Слова некорректные слышал я.

Тогда к Вячеславу Ива́нову я летел,
«Привет, символисты!» — на «Башне» кричал.
Меня Ходасевич ногою поддел,
И я обратно в Москву умчал.

Ахматову Альтман писал в мастерской,
А я ей кричал, что её люблю!
Но тут Гумилёв мне сказал с тоской:
Витя, уйди! Христом-богом молю!